

⁴⁷ Бланшо М. Опыт-предел // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994. С. 75.

⁴⁸ Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. Мн., 1996. С. 155.

⁴⁹ Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985. С. 216.

⁵⁰ Барт Р. Смерть автора // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 414.

⁵¹ Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 461.

⁵² См.: Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994. С. 129.

⁵³ См.: Lyotard J.-F., Thebaud J.-L. Just Caming. Minneapolis, 1985. P. 94.

⁵⁴ См.: Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 213–217; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 228.

⁵⁵ См.: Пригожин И. Философия нестабильности // Вопр. философии. 1991. № 6. С. 34, 47 и др.

⁵⁶ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопр. философии. 1992. № 12. С. 14, 20.

⁵⁷ См.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. М., 2004.

Поступила в редакцию 25.03.12.

А.Н. ЕЛСУКОВ,

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

БРИКОЛАЖ В СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Рассматривается природа социального конструирования, в структуре которого органично переплетаются акты индивидуального творчества и механизмы социального тиражирования достижений этого творчества. Особая роль при этом отводится анализу бриколажа как проявлению инновационного момента в творческой деятельности человека.

The article dwells upon the nature of social design containing the acts of individual creative work and mechanisms of its social replicating as organically tied up in its structure. A special role is given to analyzing the bricolage as a manifestation of the innovative moment in human creative activities.

Человек – существо деятельное, творческое. Его творческая деятельность имеет две основные разновидности. Один вид связан с тиражированием исходного образца, с созданием предметов массового потребления. Вся современная индустрия является примером такого широкого тиражирования, обеспечивая человеческую массу всем необходимым – от хлеба до зрелищ. Другой вид творчества связан с созданием принципиально нового образца, т. е. такого предмета (идеи, теории, конструкции), который потенциально содержит ценность массового характера, но до поры до времени не известен широкой публике и морально удовлетворяет лишь своего создателя. Именно такой вид деятельности и может быть отнесен к категории инновационного творчества. Инновационное означает нечто абсолютно новое. Правда, не всякое новшество может быть и абсолютно полезным. Открытие атомной энергии было, безусловно, положительным явлением, но такая инновация, как использование этой энергии в военных целях, вряд ли может быть определена с положительной точки зрения. Не меньший вред для общества имеют и псевдоинновации, которые могут массово проявляться в переходные периоды развития общества, представляя собой причудливое сочетание положительных и отрицательных характеристик в одном лице, в одном действии или предмете. Эти аспекты и надо иметь в виду, когда речь идет о творческой деятельности человека. При этом не все то, что создается отдельным человеком, приобретает широкий социальный смысл. Но все то, что этот смысл приобретает, становится общим достоянием, элементом человеческой культуры. Поэтому общество в ходе своего исторического развития, отбирая полезные новшества, становится как бы соавтором инноваций, а соединение индивиду-

ального и коллективного творчества определяет природу такого явления, как социальное конструирование. Все относящееся к духовной культуре (устное народное творчество, мифология, культы, религии, искусство, философские системы, научное знание, нравственные нормы, бытовые традиции и т. д.) является продуктом социального конструирования, т. е. включает в себя как индивидуальное изобретательство, так и дух широкого коллективного творчества. Это единство индивидуального и коллективного в структуре социального конструирования хорошо просматривается на примерах возникновения христианства, буддизма, ислама, конфуцианства, марксизма и многих других проявлений духовной культуры человечества. Раскрытие диалектики этого конструирования представляет собой важную задачу философско-социологического анализа.

Средневековый подмастерье в конце своего обучения должен был изготовить выпускную работу, которая демонстрировала бы не только его профессиональное умение, но и особый творческий дух, отличалась бы своей уникальностью и оригинальностью. Такая выпускная работа называлась *шедевром*. Многие мастера старались сохранить тайну изготовления своего шедевра, извлекая из этого определенные экономические барыши. Можно вспомнить в этом плане творчество Страдивари или Фаберже. Со временем такой шедевр начинал тиражироваться, принимая форму товара, предмета массового потребления.

Постепенно ручное изготовление всякого рода поделок получило (во французском языке) название «*бриколаж*». В настоящее время этот термин широко используется для обозначения инновационной деятельности, характеризуя создание чего-то нового и необычного. Диапазон этой деятельности простирается от изобретения новых технических средств, новаций в области литературы, искусства, науки и философии до домашнего рукодельного творчества. Ярким примером бриколажа является лоскутное одеяло, представляющее собой нечто целое, состоящее из разных кусков. То же самое можно сказать о таких видах ручной работы, как вязание, вышивание, плетение (из лыка, бересты, соломки, веревок, например, создание макраме), резьба, чеканка, художественное литье, кузнечное дело и т. д. Дух бриколажного творчества широко используется в кулинарном деле, когда из разных продуктов (т. е. из подручных средств) создаются оригинальные блюда. Бриколажем является способность умельца собрать из каких-то разрозненных деталей, предположим, велосипед, а тем более создать его первый образец. В искусстве примером бриколажа может быть такое направление, как «*дадаизм*», в рамках которого из набора различных средств (слов, красок, кусков железа) создавались стихи, полотна или металлические скульптуры. Этот термин широко используется французским антропологом К. Леви-Стросом для обозначения специфики мифологического творчества и хозяйственных поделок представителями отсталых племен. А французский философ, сторонник постструктурализма, Ж. Деррида расширяет рамки значения этого термина до представления любого философского дискурса, в котором осуществляется преобразование смысла известных понятий за счет нестандартного их использования, а то и просто изобретение новых терминов. В настоящее время бриколаж приобретает особый методологический смысл в рамках анализа творчества, так как непосредственно связан с конструктивной деятельностью в ее социальном проявлении. В чем же заключается этот смысл? Для ответа на этот вопрос начнем с анализа.

В современном французско-русском словаре термин «*bricolage*», как и его производные, имеет множество различных значений. Для точности анализа необходимо выделить все эти значения. Таковыми являются:

bricolage – 1) поделки, изготовление самоделок, работа на дому; 2) любительская работа, случайная работа, работа на подхвате;

bricole – 1) шлейка, лямка, ремень; 2) мелкая подсобная работа; 3) небольшая вещь, пустячок, безделушка; 4) отскок мяча, шара, шайбы (от стенки или от бортика); 5) резкий отскок лошади на соревнованиях по преодолению препятствий;

de bricole – 1) рикошет; 2) резкий поворот, отскок; 3) прибегать к уверткам;

bricoler – 1) браться за всякую работу; 2) изготавливать самоделки, все делать своими руками; 3) играть риколетом от борта (в бильярде).

Итак, термин «*бриколаж*» (если суммировать некоторые его значения) означает творчество самоделкина в весьма широком значении этого понятия – от ребенка до взрослого человека и от любителя до специалиста. Он означает изобретение и изготовление какой-то новой вещи из подручных средств, придумывание нового текста (образа) на базе имеющихся текстовых заготовок (или на базе имеющихся образных представлений). Такое проявление бриколажа имеет место в быту и в инженерно-технической сфере, в практической и духовной деятельности человека как в древнем мире, так и в условиях модерна. Таким образом, бриколаж придает творчеству инновационный характер, т. е. ориентирует человека на создание чего-то нового и оригинального. Бриколажем может быть новая вещь, новая конструкция, новая игрушка, новая идея, новый неожиданный поворот мысли в решении старых проблем, которые возникают как результат соединения чего-то старого и хорошо известного. Бриколажем является новое направление в искусстве, в философии, науке, архитектуре, моде и т. д. Бриколажем может быть просто некоторая смесь (соединение) разных жанров, разных предметов, идей, образов, приемов и т. д.

Так, первобытные люди на протяжении многих тысяч лет пользовались отдельно палкой и отдельно камнем. Но вот какому-то из них (некоему первобытному изобретателю) пришла в голову неожиданная мысль соединить эти предметы. Получился первый (очень грубый), но совершенно новый предмет – каменный топор, позволивший значительно увеличить производительную силу человека. Какой-то очень далекий наш предок решил отрезать от ствола дерева небольшую его часть и получил первое колесо, ставшее атрибутом всей человеческой цивилизации. Другой древний изобретатель, манипулируя с известными ему вещами, догадался натянуть жилу (или нечто подобное) между двумя концами изогнутой палки (ветки) и получил такое новшество, как лук, в корне изменившее стратегию охоты и боевых действий. Также появляются праща, бумеранг, сети, силки и многие другие изобретения первобытного человека, усовершенствовавшие его трудовые и боевые навыки. Когда люди научились добывать медь и олово, использовать их в хозяйственной деятельности, кому-то из первых металлургов пришла в голову мысль (а, может быть, это произошло и случайно, как это часто бывает в примерах с бриколажем) смешать эти металлы и получить новый более прочный металл – бронзу, появление которой ознаменовало наступление новой эры в истории человечества. Бытовая сфера, т. е. сфера повседневной человеческой практики, является широким полем проявления бриколажа. Именно в бытовой сфере в Древнем Китае появились такие новшества, как порох, шелк, фарфор и магнитные игрушки, которые со временем стали предметами массового потребления. А в наше время путем смешения песка, цемента и гравия получилось такое новообразование, как бетон, без которого не обходится ни одно современное строительство. Причем изобретателей этих новообразований мало кто знает, но они, безусловно, были и внесли свой вклад в развитие прогресса.

Таким образом, бриколаж представляет собой своеобразное сочетание уже известных предметов, красок, идей, текстов (своего рода подручных средств), в результате которого появляется некое новое целостное творение – новый предмет, новый текст, новый дискурс. Кратко бриколаж можно определить как создание новой целостности на основе уже имеющихся разрозненных элементов. Эта методика создания новых предметов проявляется как в рамках первобытного творчества, так и в более поздние времена, сопровождая ход цивилизации на всех этапах ее развития. Она имеет место в предметной деятельности и в рамках духовного творчества.

Особенно ярко метод создания новообразований проявляется в мифологическом творчестве, в сказочных выдумках, в утопических конструкциях и в фантастических произведениях. Достаточно лишь упомянуть такие фантастические образы мифологии, как кентавр, коноцефал, русалка, пегас, сирена, минотавр, сатир, леший, дракон, химера, а также скатерть-самобранка, летающий ковер или говорящая рыба и многое другое, чтобы убедиться в том, насколько широко распространено явление бриколажа в рамках народного творчества.

Не менее яркими могут быть и примеры проявления бриколажа в структурах научного творчества. История физики буквально переполнена такими примерами. Наиболее ярким событием в этом плане является открытие электромагнитной индукции. Долгое время ученые считали, что явления электричества и магнетизма имеют принципиально разную природу. Но вот Эпинусу (немецкому физика, работавшему в Петербургской академии наук) пришла в голову мысль о некоторой схожести этих явлений и их объединенном изучении. В 1759 г. в Петербурге вышла его книга под названием «Опыт теории электричества и магнетизма», которая стала своеобразной подсказкой для проведения физических опытов по совместному изучению магнитных и электрических свойств. Наиболее впечатляющие опыты были проведены Фарадеем, которому удалось открыть явление электромагнитной индукции. Именно благодаря этому открытию человечество обрело такие новые предметы, как трансформатор, электродвигатель, генератор электрического тока, в корне изменившие характер индустриализации, век пара уступил место веку электричества. Наступила эра кнопочной цивилизации. Теперь усилием человека было достаточно для того, чтобы нажатием кнопки запустить в действие какой-нибудь крупный конвейер или даже целое автоматизированное производство. А все начиналось с опытов с проволочками и магнитами, которые ученые проводили в небольших лабораториях или даже у себя дома, выступая в качестве своеобразных умельцев. В сущности, все кардинальные изобретения (микроскоп, телескоп, паровой двигатель, паровоз, автомобиль, самолет, фотодело, кино, телеграф, телефон, лампочка накаливания и многое другое) рождались как плод деятельности «ручного изобретательства» талантливых умельцев (ученых или просто технически мыслящих людей) в домашних условиях, небольших лабораториях или просто в сараях.

В литературном творчестве бриколажем выступает такой прием, как соединение разных стилей, разных форм литературного конструирования или собрание различных произведений автора под общим названием «избранное». Широко используется бриколаж в лингвистике при формировании сложных слов, изобретении неологизмов. Многие научные термины или названия самих наук имеют такую бриколажно-бинарную природу. Например, такие как астрофизика, биофизика, биохимия, психолингвистика, монадология, этнометодология, социология или историческая социология, географическая социология, экологическая социология, археология знания, археология гуманитарных наук и т. д.; этому же правилу отвечают

и такие названия, как неоклассика, постнеоклассика, неопозитивизм, неокантианство, неогегельянство, постструктурализм, постмодернизм и т. д., в рамках которых складываются совершенно новые направления научной и философской мысли. Многие мыслители, создавая свою теорию (или новую философскую систему), конструировали и новые понятия (термины, категории), которые придавали новой теории инновационный характер. Список таких понятий бесконечен, но для примера можно вспомнить хотя бы такие, как субстанция, атрибут, монада, диалектика, метемпсихоз, трансцендентный, герменевтика, семантика, семиотика, структурализм, функционализм, интеракционизм, структурация, хабитус, хабиутализация, фрейм, номадическая сингулярность, интерсубъективная седиментация и др. Особенно плодотворным на формирование новых терминов был основоположник прагматизма Ч. Пирс. В каждую из своих работ он старался включить ряд новых терминов. Именно таковыми и являются уже названные семантика и семиотика. Кроме того, ему принадлежат такие неологизмы, как семиология, прагматика, прагматизм, фаллибелизм, абдукция, фанероскопия, тихизм, синехизм, аганизм, селиозис и многие другие. На эту сторону творческой деятельности обращают внимание Б.В. Бирюков и Ф.В. Широков, которые, анализируя творчество польского писателя-фантаста и философа С. Лема, пишут: «Ко второй фазе Лем относит значительную часть своих фантастико-гипотетических построений. Займемся сначала ею... и тут же на нас сыплются слова: имитология, фантомология, пантокреатика, цереброматика, телетаксия и еще, и еще, и еще...

Эти слова звучат зазывно, как названия далеких, еще неоткрытых стран. Кажется, будто ты – юнга на каравелле, которую ведет Колумб!»¹

Научное творчество в целом является широким полем проявления бриколажа, так как здесь часто приходится обращаться к аналогии, благодаря которой осуществляется перенос признаков одних объектов на другие и тем самым их теоретическое объединение. Эти переносы могут иметь как положительное, так и отрицательное значение, приводить как к открытиям, так и к научным заблуждениям. Поэтому инновационное творчество, как уже отмечено, отнюдь не всегда сопряжено только с положительными результатами. Наука – это не столбовая дорога к истине, здесь также имеет место метод «проб и ошибок», находок и заблуждений. Такие парадигмы социологии, как натурализм, геодетерминизм, биологизм, органицизм, социал-дарвинизм, психологизм, структурализм и им подобные, представляют собой явные попытки переноса ряда природных признаков на описание социальных явлений, являясь примерами искаженного истолкования природы и общества. Органицизм, например, представляет собой попытку отождествления структуры организма и структуры общества. Бриколаж в данном случае проявляется как стремление создать некий органосоциальный объект, в котором биологические закономерности (и образы) перекрывают закономерности социального плана. Все социальные противоречия затушевываются якобы общими природными законами, воля человека при этом отступает на задний план. А отсюда следует и ряд идеологических постулатов о преобладающей роли целого над частью, общественного над индивидуальным, государственного над личным, власти над гражданином, сильного над слабым.

Своеобразно проявляется бриколаж и в рамках структуралистского истолкования социального конструирования реальности, в использовании методов лингвоструктурного анализа при определении специфики языка социоисторического дискурса. Теоретический бриколаж в данном случае проявляется в том, что методы структурной лингвистики переносятся на

анализ дискурса социального познания, в результате чего и появляются на свет теоретические кентавры постструктурализма и постмодернизма.

Сторонников этих направлений теоретической мысли почему-то не устраивает изучение длительных исторических процессов, которые рассматриваются в качестве неких слоев истории, все их внимание сосредоточено на разрывах между этими слоями. Знание этих разрывов и определяет сущность социального познания, его глубинные структуры. Фиксируя многослойность историко-социологического материала и необходимость выявления глубинных оснований общественного развития, «скрытых под толщей событий», французский сторонник постструктурализма М. Фуко пишет: «Для анализа подобного рода историки располагают инструментарием, отчасти унаследованным от предыдущих эпох, отчасти новоприобретенным: модели экономического роста, качественный анализ обменных потоков, схемы демографических кризисов, изучение климата и атмосферных сдвигов, установление социологических констант, описание технических достижений и история их внедрения. Все эти *подручные средства* (выделено мной. – А. Е.) позволяют вычленив в поле истории различные осадочные пласты, а литературные последовательности, составлявшие долгое время объект исследований, замещаются глубинными структурами»².

Переход от «подручных средств» к конструированию «глубинных структур», от изучения исторических длительностей и равновесия к установлению разрывов между ними или, как отмечает сам Фуко, переход «от описания широких общностей (“эпохи” или “века”) к изучению феноменов разрыва»³ вполне соответствует методологии бриколажа, так как призывает к созданию принципиально новой картины социально-исторической реальности на базе уже имеющихся средств. Бриколаж в данном случае проявляется и как стремление соединить методы структурно-лингвистического анализа с анализом научного текста, и формирование такого нового концепта, как «*прерывность*», который якобы может произвести настоящий переворот в социально-историческом познании. Да и само понятие «дискурс» может рассматриваться как пример бриколажа, так как отождествляет научное исследование с изучением не объекта, а научного текста и его структурных особенностей, переводит стрелки изучения социальной действительности на анализ речи или текста. По этому поводу Фуко пишет: «Одной из наиболее характерных черт новой исторической науки является, безусловно, превращение прерывности из препятствия в практику, ее интеграция в дискурс историка, так что она воспринимается уже не как навязанная и нежелательная неизбежность, но как необходимый концепт. Благодаря инверсии знаков прерывность отныне уже не отрицает историческое чтение, выступая его изнанкой, опровержением и пределом возможностей, а, напротив, становится позитивным элементом, определяющим свой объект и значение своего анализа»⁴.

Завуалированность подобных рассуждений приводит к тому, что становится не очень ясным, к чему относится «прерывность» – к самим ли историческим событиям или только к историческому тексту, должен ли историк изучать саму реальную историю или же он должен заботиться только о структурных особенностях своего текста и т. д. Так что бриколаж в данном случае пригодился для того, чтобы формировать весьма туманные принципы и концепты, создавать своего рода теоретические кентавры, превращать объективный смысл научных и философско-методологических текстов (к чему стремилась вся философская мысль от Платона до Маркса) в разряд литературно-мифологических дискурсов, в которых социальная реальность замещается реальностью знаков и значений, смысл которых не всегда понятен даже самим авторам новых систем.

В этой связи можно сослаться на воспоминания российского психолога и социолога Г.М. Андреевой. В частности, вспоминает, что, когда (еще в советское время) в Москву в Академию наук приехал с докладом о современной американской социологии Р. Мертон, она задала ему вопрос о том, как можно оценивать работы Парсонса, если она, ведущий специалист, понимает их только на двадцать процентов. На что Мертон отшутился, сказав, что он, будучи учеником Парсонса, понимает его тексты только на десять процентов, а сам автор понимает их еще меньше.

Так что бриколаж здесь сгодился для создания чего-то сверхразумного, особых философских кентавров. Философия из науки (к чему призывал еще Аристотель и многие мыслители последующих времен) превратилась в чисто фантастический дискурс, переводя ее в разряд некоего литературного творчества, уводя человеческую мысль все дальше и дальше от реалий общественной жизни. Объективизм и рациональный дух Просвещения стали вытесняться иррациональностью постструктурных и постмодернистских построений, маскирующихся под объективность структурного анализа дискурсных объектов. Философские сочинения представителей этих направлений стали напоминать какие-то текстовые ребусы, смысл которых доступен только очень узкому кругу специалистов.

Густая туманность вновь созданных философских дискурсов выдается за новый тип философского мышления, куда невозможно войти простому смертному с его привычкой смотреть на текст как на отражение объективной реальности. Сама эта привычка подвергается яростной деконструкции. Суть такой деконструкции состоит в том, что исследователь, преодолевая явный смысл текста, старается проникнуть за его оболочку, выявляя некие скрытые смыслы (глубинные структуры), которые якобы и составляют суть анализируемого текста (дискурса). К сожалению, суть такой деконструкции остается ясной только для самого исследователя, который не столько раскрывает смысл подтекста, сколько просто его конструирует, давая большой простор для полета своей собственной фантазии.

Деконструкция, таким образом, представляет типичный пример проявления бриколажа в литературно-философском творчестве, ибо переносит гипотезу Фрейда о наличии бессознательного в психике человека на анализ научного (философского) текста, в котором роль бессознательного и играют «глубинные структуры», о наличии которых не подозревали даже сами авторы текстов.

Неудивительно поэтому, что стиль многих деконструктивных построений уходит далеко в сторону от научного творчества, напоминая скорее жанр фантастической литературы. Да и сами философские тексты деконструктивисты пытаются представить не как проявление научного творчества, а как особый вид литературы, которая не может дать четкие ответы на волнующие человека вопросы. Норвежские авторы учебного пособия по истории философии в этой связи отмечают: «Для Рорти также характерно, что в качестве бывшего сторонника аналитической философии он поддерживает не только исходные позиции, но и методы работы деконструктивистов. Он пытается продолжить “разговор” с великими мыслителями, но при этом всегда деконструирует их философские утверждения и идеи (например, понятие истины). Следовательно, философские тексты, согласно Рорти, не отличаются от литературных текстов, их интересно и поучительно читать, они раскрывают нам позиции и видения, но не являются тем, что претендует на истинность или общезначимость»⁵.

Но, если модернисты отказывают своим предшественникам в праве на истину, то возникает вопрос, как на это право могут претендовать их соб-

ственные тексты. Фиксируя данную противоречивость в их рассуждениях, упомянутые норвежские авторы пишут: «Трудность, с которой сталкивается Деррида, заключается в хорошо известной проблеме самореференции. Применительно к его позиции она может быть сформулирована так. Если деконструкция влечет за собой “разрушение” всех классических философских понятий, включая понятие истины, то Деррида обязан объяснить, продолжает ли он считать, что утверждаемое им является истинным. Если он отвечает утвердительно, то... оказывается самореференциально непоследовательным. Если он отвечает отрицательно, то трудно видеть в том, что он утверждает, что-либо серьезное»⁶.

Выйти из этого логического тупика с помощью той же логики невозможно. Но утверждать «несерьезное» оказывается возможным за счет использования бриколажа, т. е. путем объединения серьезного и несерьезного, придания серьезного смысла чему-то явно мнимому (воображаемому), иначе говоря, путем создания теоретических кентавров.

Известный российский исследователь Ж.Т. Тощенко создал весьма впечатляющую теорию проявления кентавр-проблем в общественном сознании. Характеризуя особенности развития современного российского общества, в котором появляется все больше таких новообразований, которые представляют собой «сочетание несочетаемого», он в своей работе «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)» пишет: «В попытке осмыслить эти открытые и открываемые явления необходимо обратить внимание на один почти забытый термин, который ранее употреблялся в основном в мифологии и литературе... Речь идет о таком уникальном термине, как *кентавр-проблема*, который позволяет объединить (охватить) единым понятием разнообразный класс процессов и явлений, встречающихся как в познавательной, так и в преобразующей деятельности человека»⁷.

Далее автор подробно разбирает природу этого бриколажного явления в современном российском обществе, полагая, что «кентавризму подвергается все более значительное количество процессов и явлений, происходящих в современном мире, что позволяет говорить не просто об их росте, а, скорее, об их нашествии»⁸.

Наиболее опасными, с точки зрения этого автора, являются такие социальные кентавры, как соединение в одном лице государственного служащего и предпринимателя, бизнесмена и общественного деятеля, демагога и карьериста, политика и лицемера, националиста и интернационалиста, верующего и атеиста, верующего и преступника, лжепатриота, аморального типа и моралиста, врача и убийцу, юриста и отступника от закона, служителя порядка и взяточника и т. д. Наличие этих кентавр-объектов, так или иначе, фиксируется в структурах общественного сознания, приводя к определенным ценностным сдвигам. Преступления, проституция, взяточничество, оборотничество, лицемерие, аморальный карьеризм и т. д. уже не кажутся какими-то отрицательными категориями, это особые бриколажные формы общественного сознания, которые тиражируются на особом этапе общественного развития. Их изучение представляет собой важную задачу социологического познания. Как отмечает Тощенко, «изучение деформированных и превращенных видов общественного сознания и социальной практики (парадоксальность, депривация, стигматизация, кентавризм, аномия, фрустрация и т. д.) может принести впечатляющие и далеко идущие результаты»⁹.

Так или иначе, все эти проявления общественной жизни (практические и духовные, положительные и отрицательные) представляют суть соци-

ального конструирования, в рамках которого возникают такие новообразования, которых не знала прежняя действительность. С одной стороны, в них находят выражение некие личные интересы и задумки отдельных граждан, а с другой – формируется социальная база для их тиражирования и массового проявления. Социальное творчество наиболее ярко проявляется при формировании социальных типов, референтных групп, моды (в самом широком значении этого слова), в инновационных проектах (в которых творческий гений человека подкрепляется и закрепляется социальными потребностями), в создании новых предметов культуры и искусства. Бриколаж как элемент индивидуального творчества как раз таки и представляет собой ту «глубинную структуру», которая определяет общий «текст» социального конструирования.

¹ Лем С. Сумма технологии. М., 1968. С. 591.

² Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 7.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 12–13.

⁵ Скирбекк Г., Гиле Н. История философии. М., 2001. С. 773–774.

⁶ Там же. С. 771.

⁷ Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М., 2011. С. 442.

⁸ Там же. С. 442.

⁹ Тощенко Ж.Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социс. 2010. № 4. С. 4.

Поступила в редакцию 15.06.12.

А.А. БОРОДИЧ,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (ГРОДНО)

ЦЕННОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОЦЕССА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Выявлены место и роль ценностей в развитии науки. Обосновано положение о зависимости процесса научного познания от диспозиции субъекта и объекта. Проводится мысль, что интерессубъективная природа ценностей служит основой трансляции научных знаний в различные сферы общества. Раскрыт социокультурный механизм регуляции научной деятельности на этапе становления постиндустриального общества.

The place and role of values in science development are revealed. The proposition about dependence of the scientific cognition process on the subject and object disposition is made grounds for. The inter-subjective nature of values is seen as the foundation for transmitting scientific knowledge to different spheres of society. The sociocultural mechanism to regulate scientific activity on the stage of postindustrial society formation is exposed.

Ценность есть мера очеловеченности природы

Научное познание в системе социокультурных ценностей

В начале третьего тысячелетия становится очевидным, что ни одна сфера жизнедеятельности не оказала на общество такого колоссального влияния, как наука. Срачиваясь с материальным производством, социальным управлением, экономикой, обороной, медициной и образованием, она существенно интенсифицирует и модернизирует их. Воплотившие передовые достижения науки современные средства передвижения и коммуникации, синтетические материалы и информационные системы далеко превзошли буйную фантазию наших предков, мечтавших о ковре-самолете или о философском камне, способном преобразовывать одни вещи в другие. Знаковым явлением нашего времени становится превращение знания в важнейший социальный ресурс. Происходящие сейчас в обществе процессы таковы, что «новые научные знания и технологии становятся модулем его существования, его сутью как современного общества»¹.